

Твардовский Александр Трифонович
Страна Муравия
Поэма

Глава 1

С утра на полдень едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

Тоскуя о родном тепле,
Цепочкою вдали
Летят, — а что тут на земле,
Не знают журавли...

У перевоза стук колес,
Сбой, гомон, топот ног.
Идет народ, ползет обоз,
Старик паромщик взмок.

Паром скрипит, канат трещит,
Народ стоит бочком.
Уполномоченный спешит,
И баба с сундучком.

Паром идет, как карусель,
Кружась от быстрины.
Гармошку плотничья артель
Везет на край страны...

Гудят над полем провода,
Столбы вперед бегут.
Гремят по рельсам поезда,
И воды вдаль текут.

И шапки пены снеговой
Белеют у кустов,
И пахнет смолкой молодой
Березовый листок.

И в мире — тысячи путей
И тысячи дорог.
И едет, едет по своей
Никита Моргунок.

Бредет в оглоблях серый конь
Под расписной дугой,
И крепко стянута *супонь*¹
Хозяйскою рукой.

¹ Ремень, коим стягивают хомутные клешни, под шеей лошади.

Дегтярку ²сзади привязал,
Засунул кнут у ног,
Как будто в город, на базар,
Собрался Моргунок.

Умытый в бане, наряжен
В пиджак и сапоги,
Как будто в гости едет он,
К родне на пироги.

И двор — далеко за спиной,
Бегут вперед столбы.
Ни хаты не видать родной,
Ни крыши, ни трубы...

По ветру тянется дымок
С ольхового куста.
— Прощайте, — машет Моргунок,
Отцовские места!..

Глава 2.

Из-за горы навстречу шло
Золотоглавое село.
Здесь проходил, как говорят,
В Москву Наполеон.

Здесь тридцать восемь лет назад
Никита был крещен.
Здесь бухали колокола
На двадцать деревень,
Престол и ярмарка была
В зеленый Духов день.

И первым был из всех дворов
Двор — к большаку лицом,
И вывеска "Илья Бугров"
Синела над крыльцом...

Никита ехал прямиком.
И вдруг — среди села
Не то базар, не то погром,
Веселые дела!

Народ гуляет под гармонь,
Оглобель ³— лес густой,

² Мазница, посудина с дегтем в дорогу, для смазки осей.

³ ОГЛОБЛЯ ж. оглобень м. пск. твер. одна из двух жердей, надетых одним концом на ось повозки, служащих для запряжки лошади в корень.

Коней завидя, сбился конь...
Выходят люди:

— Стой!..
— Стой, нет пощады никому,
И честь для всех одна:
Гуляй на свадьбе, потому
Последняя она...

Кто за рукав,
Кто за полу,
Ведут Никиту
В дом, к столу.

И лез хозяин через стол:
— Моя хата —
Мой простор.
Становись, сынок, на лавку,
Пей, гуляй,
Справляй престол!..

Веселитесь, пейте, люди,
Все одно:
Что в бутылке,
Что на блюде
Чье оно?

Чья скотинка?
Чей амбар?
Чей на полке
Самовар?..
За столом, как в бане, тесно,
Моргунок стирает пот,

Где жених тут, где невеста,
Где тут свадьба? — Не поймет.
А хозяин без заминки
Наливает по другой.
— Тут и свадьба, и поминки
Все на свете, дорогой.

С неохотой, еле-еле,
Выпил чарку Моргунок.

Гости ели, пили, пели,
Говорили, кто что мог...
— Что за помин?
— Помин общий.

— Кто гуляет?
— Кулаки!
Поминаем душ усопших,
Что пошли на Соловки.

— Их не били, не вязали,

Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.

А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки,
Милицейские ребята
Выводили под руки...

— Будет нам пить,
Будет дурить...
— Иисус Христос
Чудеса творил...
— А кто платил,
Когда я да не платил?..

— Отчего ты, божья птичка,
Хлебных зерен не клюешь?
Отчего ты, невеличка,
Звонких песен не поешь?

Отвечает эта птичка:
— Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...
— Будет нам пить,
Будет дурить.
Пора бы нам одуматься,
Пойти домой, задуматься:
Что завтра пропить?
— Иисус Христос
По воде ходил...
— А кто платил,
Когда я не платил?

За каждый стог,
Что в поле метал,
За каждый рог,
Что в хлеву держал,

За каждый воз,
Что с поля привез,
За собачий хвост,
За кошачий хвост,

За тень от избы,
За дым от трубы,
За свет и за мрак,
И за просто, и за так...

— Знаем! Сам ты не дурак,
Хлеб-то в воду ночью свез:
Мол, ни мне, ни псу под хвост.
—Знаем! Сами не глупей.

Пей да ешь, ешь да пей!
Сорок лет тому назад
Жил да был один солдат.
Тут как раз холера шла,
В день скатала пол-села.
Изо всех один солдат
Жив остался, говорят.

Пил да ел, как богатырь,
И по всем читал псалтырь,
Водку в миску наливал,
Делал *тюрьку*⁴ и хлебал,

Все погибли, а солдат
Тем и спасся, говорят.
— Трулля-трулля-трулля-ши!..
Пропил батька *лемеш*⁵.

А сынок Топорок,
А дочушка Гребенек,
А матушка,
Того роду,
Пропила Сквороду.

Па-алезла под печь:
"Сынок, блинов нечем печь..."
— Все кричат, а я молчу:
Все одно — безделье.
А Илье-то Кузьмичу
Слезки, не веселье...

— Подноси, вытаскивай.
Угощенье ставь!
— До чего он ласковый,
Добродушный стал.

Дескать, мы ж друзья-дружки,
Старые соседи.
Мол, со мной на Соловки
Все село поедет...

— Слышь, хозяин, не жалей
Божью птичку в клетке.
Заливай, пои гостей,
Дыхай напоследки!..

Загудели гости смутно,
Встал, шатаясь, Моргунок,
Будто пьян, на воздух будто,

⁴ ТЮРЯ, тюра, тюрька ж.— самая простая еда: хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью; хлебная крошка на квасу, иногда с луком.

⁵ ЛЕМЕХ, лемеш м., костр. лемех, сошник у плуга, нога плуга.

Потихоньку — за порог.

Над дорогой пыль висела,
Не стихал собачий лай.
Ругань, песни...
— Трогай, Серый.
Где-нибудь да будет край...

Глава 3

Далеко стихнуло село,
И кнут остыл в руке,
И синевой заволокло,
*Замглилось*⁶ вдалеке.

И раскидало конский хвост
Внезапным ветерком,
И глухо, как огромный мост,
Простукал где-то гром.

И дождь поспешный, молодой
Закапал невпопад.
Запахло летнею водой,
Землей, как год назад...

И по-ребячьи Моргунок
Вдруг протянул ладонь.
И, голову склонивши вбок,
Был строг и грустен конь.

То конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.

Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч
Держались на коне.

Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берег
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.

И в ночь, как съехать со двора,
С конем был разговор,
Что все равно не ждать добра,
Что без коня — не двор;

⁶ От МГЛА ж. помрачение воздуха, испарения, сгущающие воздух, делающие его тусклым, мало прозрачным.

Что вместе жили столько лет,
Что восемь бед — один ответ.
А конь дорогою одной
Везет себе вперед.
Над потемневшею спиной
Белесый пар идет.

Дождь *перешел*⁷.
Следы копыт
Наполнены водой.
Кривая радуга висит
Над самою дугой...

День на исходе. Моргунку
Заехать нужно к свояку:
Остановиться на ночлег,
Проститься как-никак.

Душевной жизни человек
Был Моргунков свояк.
Дружили смолоду, с тех пор,
Как взяли замуж двух сестер.

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один...

Хозяин грустный гостю рад,
Встречает у ворот:
— Спасибо, брат.
Уважил, брат.
И на крыльцо ведет.

— Перед тобой душой открыт,
Друг первый и свояк:
Весна идет, земля горит,
Решаться или как?..

А Моргунок ему в ответ:
— Друг первый и свояк!
Не весь в окошке белый свет,
Я полагаю так...

Но тот Никите говорит:
— А как же быть, свояк?
Весна идет, земля горит,
Бросать нельзя никак.

Сидят, как прежде, за столом.
И смолкли.
Каждый о своем.

⁷ Прошел

Забились дети по углам.

Хозяйка подает
С пчелиным "хлебом" пополам
В помятых сотах мед.
По чарке выпили.

Сидят,
Как год, и два, и три назад.
Сидят невесело вдвоем,
Не поднимают глаз.
— Ну что ж, споем?..
— Давай споем
В последний, может, раз...

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один.

Посоловелье слегка,
На стол облокотясь,
Сидят, поют два мужика
В последний, значит, раз...

О чем поют? — рука к щеке,
Забылись глубоко.
О Волге ль матушке-реке,
Что где-то далеко?..

О той ли доле бедняка,
Что в рудники вела?..
О той ли жизни, что горька,
А все-таки мила?..

О чем поют, ведя рукой
И не скрывая слез?
О той ли девице, какой
Любить не довелось?..

А может, просто за столом
У свояка в избе
Поет Никита о своем
И плачет о себе.

У батьки, у матки
Родился Никита,
В церковной сторожке
Крестился Никита.

Семнадцати лет
Оженился Никита.
На хутор пошел,
Отделился Никита.

— В колхоз не желаю,
Бодрился Никита,
До синего дыму
Напился Никита.

Семейство покинуть
Решился Никита...
Куда ж ты поехал, Никита,
Никита?

Глава 4

От деда слышал Моргунок
Назначен срок всему:
Здоровью — срок, удаче — срок,
Богатству и уму.

Бывало, скажет в рифму дед,
Руками разведи:
— Как в двадцать лет
Силенки нет,
Не будет — и не жди.

Как в тридцать лет
Рассудка нет,
Не будет — так ходи.
Как в сорок лет
Зажитка нет,
Так дальше не гляди."

Сам Моргунок, как все, сперва
Не верил в дедовы слова.
Хватился — где там двадцать лет!
А богатырской силы нет.

И, может быть, была б она,
Когда б харчи да не война.
Глядит, проходят тридцать лет,
Ума большого тоже нет.

А был бы ум, так по уму
Богатство было бы ему.
Глядит, и скоро — сорок лет,
Богатства нет, *зажитка* ⁸нет:

Чтоб хлебу на год вволю быть,
За сало салу заходить;
Чтоб быть с Бугровым запросто,
Всего того опричь:

⁸ Достаток

"Здоров, Никита Федорыч!.."
 "Здоров, Илья Кузьмич!.."
 А угостить, — так дым трубой,
 Что хочешь ешь и пей!

Чтоб рядом он сидел с тобой
 На лавке на твоей;
 Чтоб толковать о том о сем,
 Зажмурясь песни петь,
 Под ручку чтоб, да с ним вдвоем
 Пойти хлеба смотреть...

И предсказанью скоро срок,
 А жил негромко Моргунок.
 Был Моргунок не так умен,
 Не так хитер и смел,
 Но полагал, что крепко он
 Знал то, чего хотел...

Ведет дорога длинная
 Туда, где быть должна
 Муравия, старинная
 Муравская страна.

И в стороне далекой той,
 Знал точно Моргунок,
 Стоит на горочке крутой,
 Как кустик, хуторок.

Земля в длину и в ширину
 Кругом своя.
 Посеешь *бубочку* одну,
 И та — твоя.

И никого не спрашивай,
 Себя лишь уважай.
 Косить пошел — покашивай,
 Поехал — поезжай.

И все твое перед тобой,
 Ходи себе, поплеывай.
 Колодец твой, и ельник твой,
 И шишки все еловые.

Весь год — и летом и зимой —
 Ныряют утки в озере.
 И никакой, ни боже мой,
 Коммунии, колхозии!..

И всем крестьянским правилам
 Муравия верна.
 Муравия, Муравия!
 Хо-рошая страна!..

И едет, едет, едет он,

Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

По склонам шубою взялись
Густые *зеленя* ⁹,
И у березы полный лист
Раскрылся за два дня.

И розоватой пеной сок
Течет со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.

И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.

Пласты ложатся поперек
Затравневших меж ¹⁰.
Земля крошится, как пирог,
Хоть подбирай и ешь.

И над полями голубой
Весенний пар встает.
И трактор водит за собой
Толпу, как хоровод.

Белеют на поле мешки
С подвезенным зерном.
И старики *посевщики*
Становятся рядком.

Молитву, речь ли говорят
У поднятой земли,
И вот, откинувшись назад,
Пошли, пошли, пошли...

За плугом плуг проходит вслед,
Вдоль — из конца в конец.
— Тпру, конь!.. Колхозники ай нет?..
— Колхозники, отец...

Земля!.. От влаги снеговой
Она еще свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как *дежа* ¹¹.

⁹ Зеленя ж. мн. зеленя — все, что одето листьями, листовая одежда всего растительного царства, — древесная. листва: — огородная, овощи, собств. листья, ботва; — полевая, злак, трава; озимь

¹⁰ Межа ж. черта, разделяющая две плоскости, особенно применяется к поверхности земли, ко владенью; рубеж, грань, граница, стык, раздел.

Земля!.. Она бежит, бежит
На *тыщи* верст вперед.
Над нею жаворонок дрожит
И про нее поет.

Земля!
Все краше и видней
Она вокруг лежит.
И лучше счастья нет — на ней
До самой смерти жить.

Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,
Да не хватает рук...

В пути проходит новый день.
Конь перепал и взмок.
Уже ни сел, ни деревень
Не знает Моргунок.

Глава 5

Большаком, по правой бровке,
Направляясь на восход,
Подпоясанный бечевкой
Шел занятный пешеход.

Добела забиты пылью
Сапожонки на плечах,
И лопатки, точно крылья,
Под подрясником торчат.

Из сапог глядят *онучки* ¹²
За спиной гремит ларец...
— А, видать, тебя до ручки
Раскулачили, отец?..

Слово за слово.
О боге
Речь заводит Моргунок.
Отпрягают у дороги,
Забираются в тенек.

— Эх, да по такой погоде
Зря ты ходишь-бродишь, поп.

¹¹ Квашня

¹² ОНУЧА ж. часть обуви, обвертка на ногу, замест чулков, под сапоги и лапти; портянки, подвертки.

Собирал бы дань в приходе,
Пчел глядел бы, сено греб...

— Где ж приход?
Приходов нету.
Нету службы, нету треб.
Расползлись попы по свету,
На другой осели хлеб.

Тот на должности на писчей,
Тот иной нашел приют.
Ничего, довольны пищей.
Стихли, сникли и живут.

Ну, а я... Иду дорогой.
Не тяжел привычный труд:
Есть кой-где, что верят в бога,
Нет попа,
А я и тут.

Там жених с невестой ждут,
Нет попа,
А я и тут.
Там младенца берегут,
Нет попа,
А я и тут.

Нет купели,
Есть скамья,
Нет попа,
А вот он я!..

Что калужского портного,
За неделю ждут меня.
Мне бы только, право слово,
Заиметь теперь коня!

Хорошо в тени, прохладно.
Поп кошелку шевелит.
Развязал — и этак складно
Припеваает-говорит:

— Тут селедочка
Была, была, была.
Что молодочка
Дала, дала, дала...
Тут и соточка
Лежит — не убежит...
Эх ты, сукин сын
Камаринский мужик!..

Моргунок, уставясь косо,
Ладно, думает, молчи.
Ничего, что батя босый,
Подходящие харчи...

Не святой и не угодник,
Не подвижник, не монах,
Был он просто поп-отходник,
Яко наг и яко благ.

— На гумне служу обедню,
Постным маслом мажу лоб.
Николай был царь последний,
Митрофан — последний поп.

Занимаю под приходом
Всю епархию кругом.
Хочешь так: твоя — подвода,
Мой — инструмент?.. Проживем!..

Моргунок утерся строго:
— Не гляди, что выпил я...
У тебя своя дорога,
У меня, отец, — своя.

На своем коне с дугой
Ехать подходяще:
Всякий видит, кто такой,
Житель настоящий.

На своем коне с дугой
Ехать знаменито.
Остановят:
— Кто такой?
— Моргунов Никита.

В чужедальной стороне
Едешь, смотришь смело:
Раз ты едешь на коне,
Значит, едешь делом.

Самому себе с конем
Позабиться впору.
Будто в гости едешь — днем,
Ночью — будто в город.

Не охотник яйца я
Собирать на бога.
У меня, отец, своя
Дальняя дорога...

Глава 6

От ночлега до ночлега
Едет ровно Моргунок.
У дороги, под телегой,
Своя хата-потолок.

На огне трещит валежник
Робко, будто под ногой.
Двое возчиков проезжих
Сонно смотрят на огонь.

Спит не спит, лежит Никита,
Слышен скрип и хруст травы.
Глухо тукают копыта
Возле самой головы.

Поправляет головешки
Освещенная рука.
Голос тянется неспешный,
Как шаги издалека:

— Окна — в землю,
Крыша — набок,
Гнезда галочки в трубе.
Как бы в сказке, дед да баба
Жили век в своей избе.

Баба пряла у окошка,
Дед с утра на рыбу шел,
И была в хозяйстве кошка,
Курочка да петушок.

Жили старые помалу
На отлете от села.
А весною небывало
Высока вода была.

Шла весна в могучей силе,
По ночам крошила снег.
Разлились по всей России
Воды всех морей и рек...

Спит не спит, лежит Никита,
Дрема поверху идет.
Голос ровный, домовитый
Сказку бережно ведет:

— Все — в колхозы.
Дед — ни с места
На тринадцатом году:
"Из своей избы, известно,
Никуда я не пойду".

Что, мол, жить мне на народе,
И какой мне в этом прок?..
А вода к крыльцу подходит.
Бьет волною о порог.

Поплыли плетни, солома,
Огородов — будто нет.

День за днем проводит дома,
Очищает *лыки* ¹³дед.

И случилась эта сказка
Возле нашего села:
Подняла вода избушку,
Как кораблик, понесла.

Поднимает выше, выше,
Гонит окнами вперед.
Петушок кричит на крыше,
Из трубы дымок идет.

И качаются, как в зыбке,
Дед и баба за стеной.
Принесло избу под липки
К нам в усадьбу
Тут и стой...

Спали воды.
Стало сухо.
Смотрит дед — на солнце дверь:
"Ну, тому бывать, старуха,
Жить нам заново теперь..."

Спит не спит Никита, дремлет
С картузом под головой.
Теплым телом греет землю
Под примятою травой.

На армяк роса осела.
Гаснут звезды в вышине.
И тепло вздыхает Серый
За кустами в стороне.

Тянет свежестью рассвета.
Спит дорога.
Тишина.
Далеко-далеко где-то
Спит Муравская страна...

Глава 7

Как с юга к северу трава
В кипучий срок весны,
От моря к морю шла молва
По всем краям страны.

Молва растет, что ночь, что день,

¹³ ЛЫКО ср. лычко или мн. лики, лыка, молодой луб, волокнистое, неокрепшее подкорье, со всякого дерева (под корою луб; под ним мезга, под нею блонь, молодая древесина). Подкорье молодой липы, идущее у нас особ. на лапти

Катится в даль и глушь,
И ждут сто тысяч деревень.
Сто миллионов душ.

Нет, никогда, как в этот год,
В тревоге и борьбе,
Не ждал, не думал так народ
О жизни, о себе...

Росла, невнятная сперва,
Неслась, как радио, молва,
Как отголосок по лесам,
Бежала по стране,
Что едет Сталин, едет сам
На вороном коне.

Вдоль синих вод, холмов, полей,
Проселком, большаком,
В шинели, с трубочкой своей,
Он едет прямым.

В одном краю,
В другом краю
Глядит, с людьми беседует
И пишет в книжечку свою
Подробно все, что следует.

И будто он невдалеке
Коня того поил в реке.
А то еще у старика
Спросил он ночью огонька.

А этот сторож-старичок
Увидел — кто, а сам молчок:
Порасспросить его хотел
Насчет войны и прочих дел...

За гатью — мост,
За взгорьем — склон,
Дымок по ветерку...
И, может, прямо едет он
Навстречу Моргунку.

И все, что на душе берег,
С чем в этот год заснуть не мог,
С чем утром встал и на ночь лег,
С чем ел не впрок
И пил не впрок,
Все вновь обдумал Моргунок...

— Товарищ Сталин! Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..

И жизнь — на слом,
И все на слом
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идем,
Так я не протестую.

Ты слушай, выслушай меня,
Коснемся, например, коня.
И склад хорош, и статья легка,
В монету весь одет.
Под Ворошиловым конька
Такого, может, нет.

На конной в Ельне куплен был,
С дороги перепал,
Стоит — и шею опустил,
Ну, думаю, попал!..

Блестит в корытечке вода,
Свищу, свищу — не пьет,
Не ест. И вижу я тогда,
Что дело не поет...

А как я вышел поутру,
С постели — босиком,
Иду, а он впотьмах: хруп-хруп.
"Стой, думаю, живем!..

Теперь мне тридцать восемь лет,
Два года впереди.
А в сорок лет зажитка нет,
Так дальше — не гляди.

И при хозяйстве, как сейчас,
Да при коне
Своим двором пожить хоть раз
Хотелось мне.

Земля в длину и в ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

Пожить бы так чуть-чуть...
А там —
В колхоз приду,
Подписку дам!

И с тем согласен я сполна,
Что будет жизнь отличная.
И у меня к тебе одна
Имелась просьба личная.

Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,

Чтоб и меня, и хуторок
Покамест что... оставить.

И объявить: мол, так и так,
Чтоб зря не обижали,
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...

В пути, в неизвестном краю,
Забыв про все, Никита
Слагал, как песню, речь свою
Душевно и открыто...

Страна родная — велика.
Весна! Великий год!..
И надо всей страной — рука,
Зовущая вперед.

Глава 8

И деревням и верстам счет
Оставил человек,
И конь покорно воду пьет
Из неизвестных рек.

Дорога тянется вдали.
И грусть теснит в груди:
Как много неба и земли
Осталось позади.

И весь в пыли, как хлеб в золе,
Никита Моргунок.
На всей планете, на Земле,
Один такой ездок.

И порыжел на нем пиджак,
Дорога далека.
Днем едет, терпит кое-как,
А к вечеру — тоска.

Сквозь тишину и холодок
Повеет ночь жильем.
И куст — он дома, и пенек
На месте на своем.

А ты скитайся, разъезжай,
Сам при себе, один...
Вдруг слышит:
— Добрый гражданин,
А, добрый гражданин!..

И видит: нищий, чуть прикрыт,
Почти что босиком.

— Подвез бы, что ли, — говорит
Обиженным баском.

И мальчик, точно со слепым,
Идет по праву руку с ним.
И нищий злобно смотрит вслед:
— Забогател, сосед?..

Глядит — и обмер Моргунок:
— Илья Кузьмич? Ай нет?
— Годов полсотни был Илья,
Да нынче стал не я.

Что видишь — только малец мой,
А шапка не моя.
Вот, брат.
Такая, брат, пора.

Кромешный год такой...
— Тпру!.. Правду говорят, гора
Не сходится с горой...
Коня стреножил Моргунок,
Прибрал хомут, дугу.
Оглобли — кверху.

Огонек
Заговорил в кругу.
— Эх, холодна небось земля,
Погреться будет впрок.
И достает из кошеля
Литровку Моргунок.

— Ну что ж, Илья Кузьмич, начнем?
Что есть. Прошу простить.
Тебя когда-то за столом
Мечтал я угостить.

Пей, грейся, гость.
Как другу верь,
Соседи были все ж...
А вот откуда ж ты теперь,
Илья Кузьмич, бредешь?..

— Бреду оттуда...
— Что ж там? Как?
— Да так. Хороший край.
В лесу, в снегу, стоит барак,
Ложись и помирай.

— Так, так, Илья Кузьмич...
А все ж
Тут злость своя нужна:
Что скажут — делай,
Дескать, врешь,
Работа не страшна.

— Нет, брат, спасибо за совет.
Не страшен был бы труд,
Да смысла нет.
—А ты начни!
—Да мочи нет...
—А ты тяни!
— Да руки не берут.

Никита слушал и коня
Из вида не терял.
Мальчишка, млея у огня,
Тихонько засыпал.

Куда он, малец, гол и бос,
Шел по свету с отцом.
Суму на перевязи нес
С жестяным котелком?

— А что, — пожал отец плечом,
Не страшно до зимы.
Где так попросим, где споем,
Петь научились мы.

Эх, брат, — вздохнул, ложась, Бугров,
В последний этот год
Еще б таких наделать дров,
Земли переворот!..

На колокольни встать бы, брат,
И сверху б — в добрый час
На всю Россию бить набат!
Да не во что как раз...

Спал Моргунок и знал во сне,
Что рядом спит сосед.
И, как сквозь воду, в стороне
Конь будто ржал под свет...

Вскочил, закоченелый весь,
Глядит — пропал сосед.
Телега здесь, и мальчик здесь.
А конь?..
Коня — и нет...

Никита бросился в кусты,
Высматривая след.
Туда—сюда.
И след простыл.
Коня и, вправду, нет!

И место видно у огня,
Где ночью "спал" сосед,
В траве окурки. А коня —
И нет. И вовсе нет.

И заняла дыханье боль,
И точно высох рот.
Позвать попробовал:
— Псель-псель...
И губ не соберет.
— Псель-псель...

И тишина кругом.
Туман. Глухой рассвет...
Вот бросил он семью и дом,
Уехал в белый свет.

Вот, все, что думал, — все не в счет.
Вот, прожил столько лет...
Туман встает,
Роса ползет.
День. А коня-то — нет...
Коня-то нет...

— Вставай, пострел!
Замерз небось, беглец.
Пока ты спал да сны смотрел,
Сменял тебя отец.

Сменял — и серого коня
С уздечкой получил.
Тебя обидел, а меня
Навеки научил.

Я угощал его, любя,
Считал — в беде сосед...
А ты не бойся: бить тебя
Теперь мне пользы нет...

Короток день, а путь далек,
А солнце — где уже!..
Переобулся Моргунок,
И легче на душе.

Собрал шлею, кошель и кнут,
Переменил чеку;
Колеса смазал, подоткнул
Поклажу к передку.

Короток день, а путь далек,
Хоть воз не так тяжел.
И влез в оглобли Моргунок,
А мальчик вслед пошел...

Глава 9

Под уклон, гремя с разбега,

Едет — просто чудеса!
Без коня сама телега,
Все четыре колеса.

И, кого ни встретит, всякий
Долго-долго смотрит вслед.
А увяжутся собаки
Три версты отбою нет.

Моргунок гремит с телегой
В неизвестной стороне:
Не видали ль человека
На копейчатом коне?

Моргунок волочит ноги
Тяжело, и, как назло,
Растянулось вдоль дороги
Бесконечное село.

Никуда от глаз не скрыться,
На виду мужик у всех.
По окошкам липнут лица.
Лай собачий — смех и грех.

Моргунок везет понуро,
Не ворочаться ж назад.
Шум, смятенье, даже куры
Растревоженно кричат.

Дальше — к мосту — скат крутой,
Поскорей бы с глаз долой!
И пошел, пошел с разбега,
Только грохот поднялся.

Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса.
За мостом дорога в гору,
Позади, в пыли густой:

— Стой! — кричат, как будто вору.
Стой! Стой!.. Подбегают:
— Стой-ка, дед!
Заворачивай в Совет.

И народ кругом посыпал,
Рассуждая горячо:
— Мало, что ли, всяких типов,
Поглядишь, а тут еще...

— На поселке нищий в бане
Двое суток ночевал,
С золотыми был зубами
Вроде бывший генерал...

И, упершись в грядки, миром

Помогают Моргунку.
— Только ты не бегай, милый...
— Да куда я побегу?..

В сельсовете председатель
Предложил на лавку сесть
И сказал учтиво:
— Дайте
Документы, если есть.

Из-за ворота рубахи
Тащит целый узелок,
Достает свои бумаги
Никита Моргунок.

Бумаги пожелтелые,
Как деньги — еле целые.
Зацапанные, мазанные,
Крест-накрест перевязанные.

— Вот, при одной коровке
Семья моя — семь душ.
И хлебозаготовки,
И лесозаготовки,
И страх,
И труд,
И *гуж* 14

И двор со всей скотиной,
И хата в три окна.
Единый
Семь с полтиной,
Уплаченный сполна.

Деревня Васильково,
Касплянский сельсовет,
И карточка конева,
А вот коня — и нет...

— Ну что ж, понятно, в целом,
Одно неясно мне;
Без никакого дела
Ты едешь по стране.

Вот, брат! И председатель
Потер в раздумье нос:
Ну, был бы ты писатель,
Тогда другой вопрос.

Езжай! И в самом деле,
Чего с тебя возьмешь?

¹⁴ ГУЖ м. петля, веночек, кольцо, калачик, мочка, глухая привязь. | В упряжи, кожаная глухая петля, укрепленная в хомутных клешнях

— А что ж, у вас — артели?
— Кругом артели. Сплошь.

И гремит телега снова.
Застилая пылью след...
— Не видали ль верхового?..
Отвечают:
— Что-то нет...

Моргунок телегу тянет.
Плечи стертые горят...
— Братцы! Где тут есть цыгане?
— Вон, в колхозе, — говорят.

Глава 10

Знал Никита Моргунок
Правило простое,
Что медведь блинов не пек,
Волк двора не строил.

Удивился Моргунок,
Видит: на поляне
Ходят вдоль и поперек
С косами цыгане.

Косят, словно мужики,
Ряд за рядом ходят.
Только носят оселки
Не по форме вроде.

Пахнет медом и росой,
Добрая работа!
Самому пройти с косой
Моргунку охота.

Хороша, густа трава,
Самый срок и время,
Да забита голова
Думами не теми.

Так и так. Иду полдня.
Карточка в кармане...
— Воротите мне коня,
Граждане цыгане.

— Так и быть, — сказал один,
Ты — мужик хороший.
Заявляю — отдадим,
Как признаешь лошадь.

Сено свежее пока
На покосе вянет,

На конюшню Моргунка
Привели цыгане.

Попросили Моргунка
Чуть посторониться,
Конь выходит из станка,
Гладкий, точно птица.

Конь невиданной красы,
Уши ходят, как часы.
Конь хорош, и, что хорош,
Сам об этом знает.

— Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!
Попросили Моргунка
Постоять снаружи.

И выходит из станка
Конь второй — не хуже.
На спине играет дрожь,
Шея — вырезная.

— Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!
Попросили Моргунка
Отойти немного.

И выводят из станка
Жеребца, как бога.
Корпус, ноги — все отдай,
Шерсть блестит сквозная.

— Ну, хозяин, признавай,
Признавай, хозяин!
— Извиняюсь, не могу,
Врать, мол, нет расчета.

— То-то, — пальцем Моргунку
Погрозили, — то-то...
Он оглобли подвязал
Кверху, для ночлега:

— Завтра, малец, на базар
За конем. С телегой.
— Дядь, зовут нас.
Слышишь, дядь?
Дескать, места хватит.

— Не желаю ночевать
Я в цыганской хате.
Ночь. Затих в загоне скот.
Пахнет пыль золою.
И цыганское встает
Солнце над землею.

И звенит во тьме комар
Тоненько, знакомо,
Как остывший самовар
После бани, дома.

И, вздохнув, на правый бок
Повернулся Моргунок.
Но не спится Моргунку
И на правом на боку.

Комариный звон в тиши,
Замирая, тонет...
"До чего же хороши,
Боже ты мой, кони!"

И, вздохнув, на левый бок
Повернулся Моргунок.
Но не спится Моргунку
И на левом на боку.

И, подумав, Моргунок
Бородою к звездам лег.
Кони рядом. И спроста
Ненадежно спрятаны:

Из соломы ворота
Лыком запечатаны.
Моргунок лежит, сопя,
Рассуждает про себя:

— Лошадей цыгане крали?
— Крали.
— Испокон веков у всех?
— У всех.
— А у них теперь нельзя ли?
У цыган? Не грех?
— Не грех...

Не лежит на спине,
Точно спит на бороне.
Встал и бережно пошел
За сарай. До ветру, мол...

Слышит — близко за спиной
Осторожный шорох.
— Что за люди? Кто такой?
Спрашивает сторож.

— Я до ветру, — как урок
Отвечал Никита.
И для виду все, что мог,
Справил деловито.

— Значит, ходишь по часам?

— Надо, милый, надо...
— Эхе-хе-хе-хе!..
А сам —
Задом, задом, задом...

Сапоги надел скорей,
Хоть на босу ногу,
И с телегой своей
Тронулся в дорогу...

Глава 11

Большаком три ночи и три дня
Ехала телега без коня.
И шутил невесело мужик,
Что к коневой должности привык.

— Подучусь, как день еще пройду,
Все, что надо, делать на ходу.
А овсом питаться — не беда:
Попадала в хлеб и лебеда.

Стоя спать — уменя мало здесь.
Приходилось спать — и лапти плесть!
В неизвестный город большаком
Шла телега вслед за мужиком...

От куста идут и до куста,
От моста до нового моста.
От пятьсот девятого столба
До пятьсот десятого столба.

Далека родная сторона!
Что там баба делает одна?..
Ждет она хозяина с конем,
Знать она не знает ни о чем,
Как идет с телегой Моргунок
По одной из тысячи дорог...

Вышел в поле тракторный отряд,
По путям грохочет скорый поезд,
Самолеты по небу летят,
Ледоколы огибают полюс...

И, по-конски терпелив и строг,
Волокет телегу Моргунок.
Мальчик — ни на шаг от мужика...
Пусть идет — дорога широка.

Так идут, идут и слышат вдруг
Впереди, вдали копытный стук,
Будто в ступе коноплю толкут,
Будто бабы где-то кросна бьют.

Отголосок стороной идет,
И ездук покажется вот-вот...
Гоп-та-тах!.. И перед Моргунком
На коне,
На сером,
Поп верхом!..

Поп назад откинулся, сдержал,
Конь узнал хозяина, заржал.
Но в одну минуту Моргунок
Из оглобель выскочить не мог.

Он ремни распутывал, а поп
Повернул коня и дал в галоп.
То ли поп коня того купил,
То ли вор у вора утащил...

— Стой!.. — бежит Никита за конем,
Сапоги, пиджак горят на нем.
Сбилась шапка мокрая на лоб,
Вверх и вниз в глазах ныряет поп.

— Стой!.. — кричит, бежит Никита вслед,
Голосу в груди и духу нет.
Он бежит, и замирает "сто-й!"
На дороге пыльной и пустой,
И, как рану, зажимая бок.
Падает на землю Моргунок.

Он лежит, как мертвый, недвижим,
Но земля сама бежит под ним.
Обернулись реки и мосты,
Вверх ногами — травы и кусты.

Но уже далече скачет поп,
Пропадает за холмами топ.
Тише, тише движется земля,
По местам становятся поля...
И лежит Никита Моргунок
На одной из тысячи дорог...

Пыль по-над дорогой незаметнее,
Вечер начинается вдали.
И березы старые, столетние
Опустили ветви до земли.
Тишина хорошая кругом...
— Дядь, вставай,
А, дядь?..
Вставай. Пойдем...

Глава 12

Деловито, не сердито
Меж палаток, меж подвод
Пробирается Никита:
— Дайте, граждане, проход.

И, встречая, обступает,
Любопытствует народ:
То ль коня он покупает,
То ль телегу продает?

— Погодите, не толкуйте,
Братцы, горе у меня:
На базар служитель культа
Моего угнал коня...

К конной привязи, в тенек
Заезжает Моргунок.
И пошел бродить на счастье
По базару взад-вперед.
Что ни лошадь серой масти,
Сердце дрогнет и замрет.

Много серых и красивых,
Только равных нет коней:
То подсеченная грива,
То монета покрупней...

На лотках блестят селедки,
Солнце жарит пирожки.
Старичок с лихой бородкой
Кнутовьем звонит в горшки:

— Николаевская глина,
Отдаю за просто так:
С одноличницы — полтина,
С коммунарки — четвертак!..

Площадь залита народом,
Площадь ходит хороводом,
Площадь до краев полна,
Площадь пляшет, как волна.

— Расступись, давай проход,
Жеребца артель ведет.

Как на выставке — проводят,
Уходи, живые, прочь!
Двое виснут на поводьях,
Трое ладятся помочь.

Мундштуки в горячем мыле,
Благородный карий глаз...
— Кто купил?
— Мы купили.
— Сколько дали?

— Хватит с нас.

Гомонит, гудит базар,
Девки, бабы — по возам.
Подбирают кони сено,
Шевелят сухой овес;
И шумит парная пена,
Остывая у колес.

В сюртуке старик усатый
За рога ведет козу.
Жарко дышат поросята
В тесной клетке на возу.

И идет от воза к возу,
Не смолкает говор, гам.
Пахнет сеном и навозом,
С "центроспиртом" пополам.

От жары укрыт, от пыли,
У ограды нищий ряд.
Тут остатние слепые
И убогие сидят.

Песня слышится сквозь гомон,
Оборвется — и опять...
Голос будто бы знакомый,
Только слов не разобрать.

Подошел, с другими рядом
Стал и видит Моргунок:
Грузный нищий — у ограды,
Шапка с медью — между ног.

Поводырь с восковым личиком
Сидит плечо к плечу:
...Отвечает эта птичка:
"Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу..."

У певца глаза закрыты,
Голос набожно-суров.
Ахнул, чуть не сел Никита:
— Сукин сын! Илья Бугров!

И, точно сами, две руки
Вперед рванулись:
— Стой!..
И раскатились пятаки,
Гремя по мостовой.

И Моргунок, как мех сопя,
Подмял слепого под себя.
Народ бежит со всех сторон:

— Слепого бьют... Разбой!..

— Да как же, братцы, — зрячий он.

— Ей-богу, был слепой.

Бугров, карабкаясь, хрипит:

— Пусти!.. Пусти меня.

Пусти, сосед. Скажу, Никит,

Чего-то про коня...

— Скажи, — нагнулся Моргунок,

— Скажи, пока не бью.

— Пусти, Никит... Скорей...

Свисток!.. Обоих — в Гепею.

— Скажи — пущу.

— Скажу потом.

— Давай сейчас, злодей!

— Скажу. В сторонку отойдем,

Чтоб без чужих людей.

Не дома в праздничный денек

На хуторе своем,

Идет под ручку Моргунок

С Ильею Кузьмичом.

Ведет Бугрова Моргунок:

— Дорогу дай, народ.

Ведет, и шапку, как залог,

Слепецкую несет.

Идут, шатаясь, вразнобой,

Пьяны средь бела дня.

Грозит им пальцем постовой;

— Глядите у меня!..

И говорит Илья Бугров

Тихонько Моргунку:

— Чудак ты, конь твой жив-здоров,

Поклясться в том могу.

И вдруг, не ахнул Моргунок.

— Стой! — закричал Бугров

И сквозь толпу рванулся вбок:

— Стой! Стой! Держи воров!..

— Стой! Братцы, братцы! — вскрикнул вслед

И всхлипнул Моргунок.

И ни коня, ни вора нет,

В руках один залог.

Туда-сюда. Базар кругом,

Колышется народ.

Уже о чем-то о другом

Толкует и орет.

— Ну что ж... Спасибо, сукин сын:

Последний дал урок.
И шмякнул шапку что есть сил
Никита Моргунок.

Глава 13

Вдоль дороги рожь бежала,
Над дорогой пыль дрожала,
Плыл дымок...
Ехал парень моложавый,
Кучерявый паренек.

Кучерявый паренек,
На затылке козырек.
Ехал парень хватом,
Девкам песни вез,
В елку след печатал
Шпорами колес.

Получил на курсах трактор
Кучерявый паренек,
Изучил четыре такта,
Заводить и править мог.

И смешно, да не до смеха,
Хорошо, да сам не рад,
Посадили — и поехал:
Крой до места, трогай, брат.

Бога нету, говорят.
Не ломай деревья,
Не ворочай пни,
По пути в деревне
Угол не сверни.

Все в порядке.
Едет парень.
За верстой идет верста.
Проезжает без аварий
Две деревни, три моста.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет — что такое?
Смотрит — что за черт!

На припеке у дороги
Под телегой спит мужик.
Рядом мальчик босоногий
Кверху пятками лежит.

Слева, справа — нелюдимо,
Луговеев рыжий пар...

Проезжает парень мимо:
— Эй ты, дед, коня проспал!..

Спохватился Моргунок:
— А?.. Давно проспал, сынок.
И лежит он под телегой,
Как лежал.
Дескать, крой, а нам не к спеху,
Не пожар.

— Извиняюсь, бога нет.
Кто такой, откуда, дед?..
— Так и так. Длинна дорога.
Вот как выбился из сил...

— Ладно, дед. Нету бога,
Прицепляйся на буксир.
— Я не прочь, пожалуй,
Но одна статья: За телегу, мальй,
Опасаюсь я...

— Отговариваться нечем,
Делай, дед. Решен вопрос".
За телегу сам отвечу,
Своя кузня, свой колхоз.

Прицепились, едут.
Хороши дела.
И телега следом
Здорово пошла.

Едут, едут, едут,
Дым да стук кругом.
Едет парень с дедом,
Правит прямиком.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет — что такое?
Слышит — что за черт?

Слышит перебои,
Непохожий стук.
Трактор сам собою
Тормозится вдруг.

Парню до смерти неловко.
Эх ты, черт ее дери!
— Извиняюсь, остановка!
Зайчик выскочил внутри...

Пот на лбу открытом
Выступил. Беда!
— Та-ак, — сказал Никита.
Добрая езда...

Достает инструмент парень,
Сам заходит стороной,
Боязливо приступает,
Точно к лошади дурной.

Лезет парень под машину,
Об дорогу чешет спину,
Рукавом стирает пот,
В кепку болтики кладет.

Глубоко синеет небо,
Золотой стоит денек.
Двадцать лет монтером не был
Кучерявый паренек.

Не был батька, не был дед,
Не был прадед, бога нет!..
Бога нету, — несомненно:
Лет пяток — Недолгий срок.

Будет летчиком отменным
Этот самый паренек
Головным в могучей стае
Будет править на восток.

Высоко летать он станет,
Кучерявый паренек!
Кучерявый паренек,
Желтой кожи козырек!..

Ты забудешь ли, товарищ,
Наш любимец и герой,
Как лежал ты на дороге.
На дороге под горой.

Как кругом, шумя хлебами,
Длился день страды большой,
И кряхтел мужик тоскливо,
Ожидая над душой.

Мужику — оно не к спеху.
Он бы плюнул и повез
На себе свою телегу
И тащил бы тыщу верст.

Он бы вез ее дорогой,
Проклиная белый свет..
— Ну-ка, дед. Крутни немного.
Ну-ка, разом, бога нет!..

— Дай-ка, — плюнул в руку,
Взялся Моргунок.
— Ну-ка, ну-ка, ну-ка,
Ну, еще разок!..

Отскочил Никита,
Задрожал мотор,
Нехотя, сердито
Тронулся, попер.

По мостам грохочет,
Правит паренек,
Придержаться не хочет,
Сбавить хоть чуток.

Кроет по увалам,
Только пыль хвостом...
— Малый, эй ты, малый,
Придержи, стой!

— Три версты осталось, дед.
— Дальше ехать мочи нет.
За провоз тебе спасибо.
Посоветуй лучше мне,
Где б конька какого-либо
Взять по сходственной цене?

Повернувшись на сиденье,
Смотрит тот на Моргунка:
— Нет, в колхозе и за деньги
Не купить тебе конька.

То ли делом, то ли смехом
Рассуждает паренек:
— Ну, прощай.
Пора, брат, ехать.
Кто куда, а я — на ток...

Лошадь, не иначе,
В Островах найдешь.
Правда, кони — клячи.
Ну, да кони все ж...

Крой по мёжам, это близко,
Дуй пешком, тебе видней.
Сдай телегу под расписку
Довезу. И мальчика с ней.

Ну, пока! Не опоздать бы...
Погоди, стой ты, дед:
Жду тебя к себе на свадьбу,
Приглашаю, бога нет!..

Глава 14

Вразброс под солнцем, как дрова,
Лежит селенье Острова.

Ни крыши целой, ни избы,
Что угол — то дыра.

И ровным счетом — три трубы
На тридцать три двора.
Встает, медлителен и глух,
Нерадостный рассвет.

На все село один петух
И тот преклонных лет.
Поет, как вздумает певень,
Ослабла голова.

Который час, который день,
Не знают Острова.
Который век, который год
Течет речушка Царь!

На колокольне в косу бьет
К обедне пономарь.
Кругом шумят моря хлебов,
Поля большой страны.

Худые крыши Островов
За ними чуть видны.
Солома прет у ворот.
Повалены плетни.

И курит попусту народ
На бревнышках в тени.
Строгает что-то ножиком,
Как бубен, лысый дед,
Скоблит...
— Бог помощь, граждане,
Колхозники ай нет?..

И отвечают медленно,
Недружно мужики. Один:
— Мы — люди темные...
Другой:
— Мы индюки...

И подхватила женщина,
Припав к щеке рукой:
— Индусы называемся,
Индусы, дорогой...

— Выходит, бесколхозные,
Вздыхнул с усмешкой дед.
Сошлись жуки навозные,
Гудят, а кучи нет...

Косить еще успеется,
На все у бога дни...
— Ты что строгаешь?

— Дудочки.

— А для чего они?..

— А дам по дудке каждому,

И дело как-никак.

— А не кулак ты, дедушка?

— А как же не кулак!

Богатством я, брат, славился

В деревне испокон:

Скота голов четыреста

И кнут пяти сажень.

Я гостем в каждой был избе,

Где ужин — там ночлег.

Коня?.. Чего?.. Коня тебе?

Чудак ты, человек!..

Вот все хозяева сидят.

Продай коня, сосед!..

— Продать, — оно не штука, брат,

Да вот коня-то нет.

— А хоть и есть, — вздохнул другой,

Да конь-то больно дорогой:

За грудь, за складку вдоль спины,

За вороную масть

Полжизни плачено. Цены

Такой никто не даст.

— А я как раз продать бы мог,

Да баба встанет поперек.

Что со слезами, что без слез

Толкует об одном:

Идти по крайности в колхоз,

Так со своим конем.

— Слыхал? — толкает Моргунка

Старик тихонько в бок.

Эх, уступлю уж я конька,

Тому и быть, сынок. Идем!..

Старик заторопил

И Моргунка провел

В худой, без сошек и стропил,

С собачью будку, двор.

Там конь, не вскинув головы,

Стоял, как на мели.

И был он бел до синевы

И слеп, хоть глаз коли.

Толкает дед его рукой,

Глядит со стороны:

— Эх, конь! Царевой масти конь!

Ему, брат, нет цены.

И сам носился петушком:
— А? Что? Плохой конек?..
— Нет, лучше век ходить пешком.
— Ну, сам гляди, сынок.

Таков и конь, каков купец.
Соседи, чем не конь?
— Понятно, конь. Не жеребец.
— Ну, что там! Конь — огонь!..

Как побежит — земля дрожит,
Как упадет — три дня лежит,
И ни вожжа тогда, ни кнут
Ему не вставят ног...

— Да, вот как люди здесь живут,
Причмокнул Моргунок.
— Сынок! Ты вот чего скажи,
Опять пустился дед,
А чем плохая наша жизнь?
По-мойму — лучше нет.

Земля в длину и в ширину
Кругом своя. Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.
И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.

Косить пошел — покашивай.
Поехал — поезжай...
— Живете не богато вы,
Смутился Моргунок.
— А счастье не в богатстве.
Зачем оно, сынок?

Нам бы хлебушка кусок,
Да водицы голоток,
Да изба с потолком,
Да старуха под боком.

— Верно.
— Правильно.
Привычка...
Вот прохожий баял тож:
Отчего ты, дескать, птичка,
Хлебных зерен не клюешь?

В том как раз и заковычка
От природы людям зло.
Отвечает будто птичка:
Жить, мол, в клетке тяжело.

— Кабы больше было воли.

Хочешь — здесь ты, хочешь — там...
— Кабы жалованье, что ли,
Положили мужикам.

— Кабы нам душа одна бы...
— Кабы жить нам не вразлад...
— Кабы если бы не бабы,
Бабы слушать не хотят!..

— Ты про баб молчи, пустыня,
Сами скажем про свое.
Вот хожу с грудьми пустыми
За хорошее житье.

У людей, людей — пшеничка
Наклонилась по ветру.
А у нелюдей солома
Раскидалась по двору.

У людей, людей — ребятки
День гуляют на площадке,
За столом за общим в ряд,
Как горлачики, сидят.

А мои живут на свете
Хуже сивых поросят.
Невиновны мои дети —
Ихний батька виноват!

Погляжу на ту картину,
Как сидишь ты день-деньской,
Плюну, кину-запокину,
Убегу — и черт с тобой!..

Глядит, растерян и смущен,
Никита Моргунок.
Что скажет он? Что понял он
За долгий путь и срок?..

— Ну вот, — снял шапку Моргунок.
Понятно — жесткий год.
Все, братцы, вдоль и поперек,
Крест-накрест все идет.

И ваша жизнь — не жизнь, друзья,
Одна тоска и боль.
Гляжу на вас: так жить нельзя.
Решаться надо, что ль...

А что касается меня,
Возьмите то в расчет:
Поскольку я лишен коня,
Ни взад мне, ни вперед.

Осиротил меня злодей,

Под самый корень ссек.
А конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.

Бывало, корочку из рук,
Как со стола, возьмет.
В ночном , чуть что, затихнет вдруг
Как спросит: кто идет?

Прилечь на землю не могу.
Ни сна, ни дремы мне.
Вот будто ходит по лугу,
Ступает в стороне.

Как будто слышу стук копыт,
Вздыхает конь живой.
Трава росяная скрипит,
И пахнет той травой...

И стихли все... И Моргунов
Вдруг смолк понуро сам,
И смятой шапкой провололок
Неспешно по глазам...

Молчит на бревнышках народ,
Все сказаны слова.
Берет старик две дудки в рот,
Чуть набок голова.

Поймали пальцы нужный лад,
И тонкий звук потек:
"Пойду, пойду в зеленый сад,
Сорву я орешок".

Поет старик об орешке,
Играет оберучь.
Висит на ветхом пояске
Мужицкий медный ключ.
Ползет рубаха с плеч долой,
На ней заплатки сплошь.

А в песне — "парень удалой,
Куда меня ведешь!.."
Ту песню, про зеленый сад,
Про желтый орешок.
Слыхал лет двадцать пять назад
От деда Моргунок.

— Ну, что ж, пора.
Сижу я тут
Без барышей полдня.
А там телега и хомут
И сбруя у меня.

Глава 15

Из всех излюбленных работ
Любил Никита обмолот.
И где и кто молотит, мог
Узнать по стуку Моргунок.

У богачей да у попов
Ходили в дюжину цепов.
И все цепи колотят в лад
И соблюдают счет.

И на току — что полк солдат
Под музыку пройдет.
А сам Никита Моргунок
Вдвоем с женой ходил на ток.

До ночи хлеб свой выбивал
Не разгибая рук.
И, как калека, колдыбал
Хромой унылый стук.

Но любо было Моргунку,
Повесив теплый цеп,
Сидеть и веять на току
Набитый за день хлеб.

Кидай по горсточке одной
Навстречу ветерку,
И полумесяц золотой
Ложится на току.

Кидал бы так за возом воз
До нового утра,
И полумесяц все бы рос
И рос бы, как гора...

По стуку трактора на ток
Пришел Никита Моргунок.
Дрожит под пятками земля,
Стук, ветер, вой и свист,

И наклонился у руля
Тот самый тракторист.
А пыль, а дым несет в глаза,
И все зашлось в ушах.

Ни поздороваться нельзя,
Ни подойти на шаг.
Легка солома, колос чист,
Зерно шумит, как град.

— Снимай пиджак да становись,
Чего стесняться, брат!..

— А, дай! — Разделся Моргунок,
Рогатки в руки взял,
Покрылся ношей, поволок,
Знай наших! — доказал.

— Да я ж!.. Да, Господи, спаси,
Да боже сохрани!..
Скажи — коси, скажи — носи,
Скажи — ворочай пни!..

Да я ж не лодырь, не злодей,
Да я ж не хуже всех людей.
Как хватит, хватит Моргунок,
Как навернет рогатками...
Сопит, хрипит, до нитки взмок,
Колотье под лопатками.

Солома — валом.
Спасу нет. Но вскоре из ворот
Мужчина Моргунковых лет
На выручку идет.

Тверд на ногах, что в землю врыт,
По голосу — добряк.
"А ты вот этак, — говорит,—
Ты, говорит, вот так!.."

И, ношу взяв с бобьльский воз,
Оп! — смотрит Моргунок
Подсел, не крикнул и понес.
Раз! — и взмахнул на стог.

И, отряхнув с накидки ость,
Радушно говорит:
— Пойдем-ка мы отсюда, гость,
Охота покурить.

— А председатель как у вас,
Позволит он уйти?..
— А председатель я как раз,
Со мной, брат, не шути.

Держи табак. Бери, бери,
Верти своей рукой. Устал, брат?..
Ну-ка, говори,
Откуда, кто такой?.. Издалека?
— Издалека. От Ельни...
— В добрый час.
Сидят в тени два мужика,
Толкуют в первый раз.

Развеял ветер и унес
Махорочный дымок...
— Ну что ж, взгляни на наш колхоз,
Товарищ Моргунок.

Все разом показать готов,
Усадьба велика.
Ведет Андрей Ильич Фролов
Под ручку Моргунка.

Ведет, ведет на новый двор,
Он светел и смолист.
И бревна старые в забор
Меж новых улеглись.

В загон к скоту идет Фролов
С Никитою вдвоем
И гладит, хвалит всех коров,
Как на дворе своем.

Любую ногу подает
Ему в конюшне конь.
Теленок зеркальце сует
В хозяйскую ладонь.

Идут вперед, идут назад,
И видит Моргунок:
Взбегает малолетний сад.
Рядами на припек.

Вдоль по усадьбе до ворот
Проходит гость, глядит.
Кол вбит, — попробует, качнет:
Всерьез ли в землю вбит.

Но все — не в шутку, все — всерьез.
Для жизни — в самый прок.
Один-единственный вопрос
Имеет Моргунок:

— Я полагаю, спору нет,
Вам все ж видней, партийному:
Скажите мне, на сколько лет
Такая жизнь затеяна?..

— А вот, товарищ Моргунок,
Ударят на обед,
Прикину, подведу итог
И дам тебе ответ.
А заодно теперь позволь
Позвать тебя на хлеб да соль.

Глава 16

— Мой дед родной Мирон Фролов
Нас, молодых, бодрей.
Шестнадцать пережил попов

И четырех царей.

Мы, как подлесок, все под ним
Росли один перед другим.

И, приподнявшись от земли,
Все кланялись ему.
И шли в заводы, в шахты шли,
В солдаты и в тюрьму.

Шли, заполняли белый свет,
Жить не при чем в семье.
Бреди — и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве, и под Москвой,
В Сибири от годов;
Есть машинист, есть летчик свой.
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

И все — один перед другим,
Хоть на меня смотри,
Росли под дедом под своим,
В него — богатыри.

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя,
Хватило бы одной.

По всем законам — инвалид,
Не плуг бы мне — костыль...
А после здесь уж был я бит,
Добро, что богатырь.

Делил луга, взимал налог
И землю нарезал.
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Записки мне тогда под дверь
Подсовывал Грачев:
"Земли себе сажень отмерь
И доски заготовь".

Фроловы были силачи,
Грачевы были богачи.
Грачевы — в лавку торговать,
Фроловы — сваи загонять.

Грачевы — сало под замок,
Фроловы — зубы на полок.

Мой враг до гроба и палач,
Вот в этот день и час,
Где ты на свете, Степка Грач,
И весь твой подлый класс?!

И в смертный срок мой вспомню я,
Как к милости твоей
Просить ходила мать моя
Картошек для детей;

Как побирешкой робко шла
По дворне по твоей,
Полкан Иванычем звала
Собаку у дверей...

Да я и не про то теперь...
За землю мстил Грачев.
Земли, так и писал, отмерь
И доски заготовь.

Подстерегли меня они
В ночь под Успеньев день —
Грачевы, целый взвод родни
Из разных деревень.

Жилье далеко в стороне,
Ночь, ветки — по глазам.
И только палочка при мне,
Для сына вырезал.

И первый крикнул Степка Грач:
— Стой тут. И — руки вверх!
Не лезь в карман, не будь горяч,
Засох твой револьвер.

Сдавай бумаги, говорят,
Давай, отчитывайся, брат!
Стою. А все они с дубьем,
Я против банды слаб.

Ну, шли б втроем, ну, вчетвером,
Ну, впятером хотя б...
Лощинка, лес стоит немой,
Тишь-тишина вокруг.

Кричать? —
Кричать характер мой
Не позволяет, друг.

А тени сходятся тесней,
Минута настает.
И тех, которые пьяней,
Пускают наперед.

Троих я сбил. А сзади — раз!

И полетел картуз...
И только помню, как сейчас,
За голову держусь.

Лежу лицом в сырой траве,
И звон далекий в голове.
И Грач толкает сыновей:
— Скорей! Грех, Господи...
Скорей!..

Да, помню, точно сквозь туман,
Прощался я: "Сынок!..
Прости, что палочку сломал,
Подарок не сберег.

Прощай, сынок. Раста большой.
Живи, сынок, учись,
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!.."

Потом с полночи до утра
Я полз домой, как мог.
От той лощинки до двора
Кровавый след волок.

К крыльцу отцовскому приполз,
И не забуду я,
Как старый наш фроловский пес
Залаял на меня!

Хочу позвать: "Валет! Валет!.."
Не слушается рот.
...Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?..

Так вот даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет.
— А там?..
— А там — на десять лет.

— А там?..
— А там — на двадцать лет.
— А там?..
— А там — навечно.
— И это твердо, значит?
— Да.
— Навечно, значит?
— Навсегда!..

Эх, друг родной, сказать любя,
Без толку носит черт тебя!..

Да я б на месте на твоём,
Товарищ Моргунок,

Да отпусти меня райком,
Я б целый свет прошел пешком,

По всей Европе напрямиком,
Прополз бы я, проник тайком,
Без тропок и дорог.

И правду всю рабочий класс
С моих узнал бы слов:
Какая жизнь теперь у нас,
Как я живу, Фролов.

И где б не мог сказать речей,
Я стал бы песню петь:
"Душите, братья, палачей,
Довольно вам терпеть!"

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.

И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне все равно,
За нашу б только власть.

И где б я, мертвый, ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну завещал:
Иди вперед, сынок.

Иди, сынок.
Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

Глава 17

Ходит сторож, носит грозно
Дулом книзу ружьецо.
Ночью на земле колхозной
Сторож — главное лицо.

Осторожно, однотонно
У столба отбил часы.
Ночь давно. Армяк суконный
Тяжелеет от росы.

И по звездам знает сторож,
По приметам, как всегда,
Тень двойная станет скоро

Проходить туда-сюда.

Молодым — любовь да счастье,
На поре невеста дочь.
По двору Васек и Настя
Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:
— Ну, прощай, стучись домой.
— Нет, и я тебя немного
Провожу, хороший мой.

И доводит до окошка:
— Ну, прощай, хороший мой.
— Дай же я тебя немножко
Провожу теперь домой.

Дело близится к рассвету,
Ночь свежеет — не беда!
— Дай же я тебя за это...
— Дай же я тебя тогда...

Под мостом курлычет речка,
Днем неслышная совсем.
На остывшее крылечко
Отдохнуть старик присел.

Свесил голову, как птица,
Ружьецо стоит у ног.
— Что-то, брат, и мне не спится.
Смотрит сторож — Моргунок.

— Ну, садись. А мне привычно.
Тем и должность хороша,
Обо всем на белом свете
Можно думать не спеша:

О земле, о бывшем боге,
О скитаниях людей,
О твоей хотя б дороге,
О Муравии твоей.

Люди, люди, человеки,
Сколько с вами маяты!
Вот и в нашей был деревне
Дед один, такой, как ты.

Посох вырезал дубовый,
Сто рублей в пиджак зашил.
В лавру, в Киев снарядился:
— Поклонюсь, покамест жив.

И стыдили, и грозили...
"Все стерплю, терпел Исус.
Может, я один в России

Верен богу остаюсь".

"Ладно. Шествуй-путешествуй, —
Говорит ему Фролов,—
А вернешься жив-здоров,
Все как есть расскажешь честно
Про святых и про попов".

И пошел паломник в лавру.
Пешим верстам долог счет.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет...

А дорог на свете много,
Пролегли и впрямь и вкось.
Много ходит по дорогам,
И один другому рознь.

По весне в газете было,
Может, сам слышал о том,
Как идет к границе нашей
Человек один пешком.

Он идет, работы нету,
Без куска его семья.
На войне он окалечен,
Оконтужен, как вот я.

По лесам идет, по тропам,
По долинам древних рек.
Через всю идет Европу,
Как из плена, человек.

Он идет. Поля пустые.
Редко где дымит завод.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет...

Слухам верить не пристало,
Но и слух не всякий зряч.
Говорят, домой с канала
Волокется Степка Грач.

Он идет и тешит злобу,
Знает, с кем свести расчет.
Днями спит, идет ночами.
Вот сидим, а он идет...

А смотри-ка, друг прохожий!..
— Вижу, — вздрогнул Моргунок.
На звезду меж звезд похожий,
Плыл на запад огонек.

С ровным рокотом над ними.
Забирая, ввысь, вперед,

Над дорогами земными
Правил в небе самолет.

— Высоко идет, красиво,
Хорошо, хоть песню пой!
Это тоже, братец, сила,
Тоже сторож наш ночной.

Он встает. Светло и строго
Утомленное лицо.
Где-то близко у калитки
Тихо звякнуло кольцо.

И бредет гармонь куда-то.
Только слышится едва:
"В саду мята,
Да не примята,
Да неподкошенная Трава..."

Глава 18

Стоят столы кленовые.
Хозяйка, нагружай!
Поспела свадьба новая
Под новый урожай.

Поспела свадьба новая
Под пироги подовые,
Под свежую баранину,
Под пиво на меду,
Под золотую, раннюю
Антоновку в саду.

И над крыльцом невестиным,
Как первомайский знак,
Тревожно и торжественно
Похлопывает флаг.

Притихшая, усталая,
Заголосила старая.
Заголосила, вспомнила
Девичество бездомное,
Колечко обручальное,
Замужество печальное.

— Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.
Прости-прощай, Настенька,
Дочушка моя.

Лети, сиротливая.
В чужие края.
Живи, будь счастливая,

Кровинка моя.

Надень бело платьице,
Пройдись по избе.
А что же да не плачется,
Не горько тебе?

Поплачь, поплачь, Настенька,
Дочушка моя.
Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.

Гармонь, гармонь, бубенчики.
— Тпру, кони! Стой, стой!..
Идет жених застенчивый
Через девичий строй.

— Эх, Настя, нас обидела,
Кого взяла — не видела:
Общипанного малого,
Кривого, куцепалого.

А что ж тебя заставило
Выйти замуж за старого,
За старого, отсталого,
Худого, полинялого?

У твоего миленочка
Худая кобыленочка.
Он не доехал до горы,
Ее заели комары.

Дверь — настезь.
Гости — на порог,
Гармонь. И кто-то враз
В сенях рассыпал, как горох,
Поспешный, дробный пляс.

И вот за стол кленовый
Идут, идут Фроловы.
Идут, идут — брат в брата,
Грудь в грудь, плечо в плечо.

Седьмой, восьмой, девятый,
А там еще! Еще!..
Стоят середь избы
Богатыри. Дубы!

И — даром, что ли, славятся
Идут, красой грозя,
Ударницы-красавицы
Жестокие глаза.

А впереди — затейная
Аксюта Тимофеевна:

— Где стала я, где села я
Со мной бригада целая.

Три раза премированный,
Идет Фролов Иван
Лошадник патентованный,
До свадьбы чутку пьян.

Идет, торжествен и суров,
Как в светлый день одет,
Ста восемнадцати годов,
Мирон Васильевич Фролов —
Белоголовый дед.

На свадьбу гостем приглашен,
Где правнуки сидят.
Сам в первый раз женился он
Сто лет тому назад.

И вот встает Андрей Фролов:
— Деды, позвольте пару слов.
Деды! В своей усадьбе
И на своей земле,
Когда, на чьей мы свадьбе
Гуляли здесь в селе?

Не в сытости, не в холе мы
Росли, и, как везде,
Шли замуж поневоле мы,
Женились — по нужде.

Деды! Своею властью
Мы здесь, семьею всей,
Справляем наше счастье
На свадьбе на своей.

За пару новобрачную,
За их любовь удачную,
За радость нашу пьем.
За то, что по-хорошему,
По-новому живем!

И свадьба дружно встала,
Сам сторож речь ведет:
— За молодых и старых,
За весь честной народ!

За дочь мою, за Настю.
И за дружка ее!
За их совет, за счастье,
За доброе житье!

А также выпить следует
За нас, за стариков,
И пусть вином заведует

Андрей Ильич Фролов.

Пускай проводит линию
Он с толком и душой:
Партийным льет по маленькой,
А нам уж — по большой.

И, видно, в меру каждому
Та линия была,
Заговорили граждане
Про всякие дела.

— С тобой, Василий Федорыч,
Кому косить пришлось,
Одно, Василий Федорыч:
Дух вон и лапти врозь.

С тобой, Василий Федорыч,
Запросит пить любой.
А я, Василий Федорыч,
Я ж рядом шел с тобой.

— Чистов, Прокофий Павлович,
Бобыльский бывший сын,
Не жук тебе на палочке,
А честный гражданин!

— А я стою на страже
Колхозного житья.
Кто скажет, кто докажет,
Что слабый сторож я?

А сын, читали сами,
На той границе он.
Оружьем и часами
За подвиг награжден.

Живу, горжусь сынами,
Тобой горжусь, зятек...
Постойте, пьет ли с нами
Товарищ Моргунок?..

Встает Никита над столом
И утирает бороду.
Один поклон.
Другой поклон
На ту, на эту сторону.

— Раз надо, не стою:
Пью. Откровенно пью!..
— Пей, друг, и ешь досыта,
С людьми гуляй и пей!

— Да я ж, — кричит Никита, —
Не хуже всех людей!

— Гуляй с душой открытой,
Как гость среди гостей.

— Но конь, — кричит Никита, —
Эх, нет таких коней!
— Забудь, живи счастливо,
Не хуже кони есть!..

— Горек хлеб! Горько пиво!
Нельзя пить, нельзя есть.
— Горек мед! — кричат вокруг.
— Горько все! — деды решили.

Гармонист ударил вдруг...
— Дайте круг! — Шире круг!
— Расступитесь!
— Шире! Шире!
— Эх, дай на свободе
Разойтись сгоряча!..

Гармонист гармонь разводит
От плеча и до плеча.
Паренек чечетку точит,
Ходит задом наперед,
То присядет,
То подскочит,
То ладонью, между прочим,
По подметке
Попадет.

И поднесет ладонь к груди:
— Ходи, ходи! Ходи, ходи!
Не скрывайся в хороводе,
Выходи —
И я с тобой!..

Гармонист ведет-выводит,
Помогает головой.
Выходит девочка бедовая,
Раздайся, хоровод!

Платье беленькое, новое
В два пальчика берет.
— Меня высватать хотели,
Не сумели убедить.
Не охота из артели
Даже замуж выходить.

А ты кто такой, молодчик?
Я спрошу молодчика.
Ты молодчик, да не летчик,
А мне надо летчика.

У колодца
Вода льется,

Подается по трубе.
Хорошо тебе живется,
Мне не хуже, чем тебе.

— Раздайся, хоровод:
Тимофеевна идет.
— Кому девки надоели,
Тот старуху подберет.

— Ничего про вас худого,
Девочки, не думала.
Отбить парня молодого
Одного надумала.

Эх, думала,
Подумала,
Веселые дела.
Дунула,
Плюнула,
Другого завела.

Бабий век
Сорок лет.
Шестьдесят
Износу нет.

Если смерти не случится,
Проживу еще сто лет.
Эх, кума, кума, кума,
Я сама себе — сама.

Я сама себе обновку
Праздничную справила.
Я за двадцать лет коровку
На дворе поставила.

Дед стар, стар, стар,
Заплетаться стал.
Никуда он не годится:
Целоваться перестал.

Проведу его, злодея,
Накажу кудлатого:
Восьмерых сынов имею,
Закажу девятого.

— Раздайся, хоровод:
Моргунок плясать идет.
Он сам идти не хочет,
Бабка за полу ведет.

Бабка задом отступает,
Заводило знак дает.
Батька сына вызывает,
Выступает наперед.

Вышли биться
Насовсем. Батьке — тридцать,
Сыну — семь.
Батька — целком,
Батька дробью,
Батька с вывертом пошел,
Сын за батькой исподлобья
Наблюдает, как большой.

Батька кругом,
Сын волчком,
Не уступает ничем.
А батька — рядом,
Сын вокруг,
И не дается на испуг.

А батька — этак,
Сын вот так,
И не отходит ни на шаг.
И оба пляшут от души,
И оба вместе хороши,
И оба — в шутку и всерьез,
И оба дороги до слез.

И расстаются, как друзья..
Ах, надо б лучше, да нельзя!..
И вот еще не стихнул пол
Под крепкой дробью ног,
То ль нищий, то ли гость взошел
Тихонько на порог.

На нем поповский балахон
Подрезан и подшит.
Зовет хозяйку в сени он,
Хлопочет и спешит.

Толкуют гости: кто такой?
Портной ли, коновал?..
У палисада серый конь
На привязи стоял.

Идет к гостям старуха мать,
Не поднимает глаз:
— Проезжий батюшка.
Венчать
Согласен хоть сейчас.

Подсела робко к старику:
— Ругать повremени.
На яйца, говорит, могу,
Могу — на трудодни.

И вдруг без шапки на порог
Метнулся Моргунок.

С крыльца на двор простукал вниз.
Бегом, как из огня...

И, повод оборвав, повис
На шее у коня.

Глава 19

От стороны, что всех родней,
За тридевять земель,
Знакомым скрипом вдруг о ней
Напомнит журавель.

Листвой и яблоками сад
Повеет на заре,
И петухи проголосят,
Как дома на дворе.

И свет такой, и дым такой,
И запахи родны,
Лишь солнце будто бы с другой
Восходит стороны...

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон,
И сверху — облака.

Поют над полем провода,
И впереди — вдали
Встают большие города,
Как в море корабли.

Поют над полем провода,
Понура конь идет.
Растут хлеба. Бредут стада.
В степи дымит завод.

— Что, конь, не малый мы с тобой
По свету дали крюк?..
По той, а может, не по той
Дороге, едем, друг?..

Не видно — близко ль, далеко ль,
Куда держать, чужак?
Не знаю, конь. Гадаю, конь.
Кидаю так и так...

Посмотришь там, посмотришь тут,
Что хочешь — выбирай:
Где люди веселей живут,
Тот вроде лучше край...

Кладет Никита на ладонь
Всю жизнь, тоску и боль...
— Не знаю, конь. Гадаю, конь,
И нам решаться, что ль?..

За днем — в пути — проходит ночь,
Проходит день второй...
И вот на третий день точь-в-точь
В лощинке под горой

Глядит и видит в стороне
Никита Моргунок:
Сидит старик на белом пне
С котомкою у ног.

У старика суровый вид,
Почтенные лета,
Дубовый посох шляпкой сбит,
Как ручка долота.

Сидит старик, глядит молчком...
Занятно Моргунку:
— На лавру, что ли, прямиком
Стучишь по холодку?

И дед неспешно отвечал,
На разговор тяжел:
— Как раз на лавру путь держал,
Однако не дошел.

— Тпру, конь!.. Да как случилось, дед,
Что ты бредешь назад?
А пеший конному в ответ:
— Не то бывает, брат.

Сквозь города, сквозь села шел,
Упрям, дебел и стар,
Один, остатний богомол,
Ходок к святым местам.

И вот в пути, в дороге дед
Был помыслом смущен:
— Что ж бог! Его не то чтоб нет,
Да не у власти он.

— А не слыхал ли, старина,
Скажи ты к слову мне,
Скажи, Муравская страна
В которой стороне?..

И отвечает богомол:
— Ишь, ты шутить мастак.
Страны Муравской нету, мол.
— Как так?
— А просто так.

Была Муравская страна,
И нету таковой.
Пропала, заросла она
Травую-муравой.

В один конец,
В другой конец
Открытый путь пролег...
— Так, говоришь, в колхоз, отец?
Вдруг молвил Моргунок.

— По мне — верней; Тебе — видней:
По воле действуй по своей...
— Нет, что уж думать, — говорит
Печально Моргунок.

Все сроки вышли.
Конь подбит...
Не пустят на порог.
Объехал, скажут, полстраны,
К готовому пришел...
— Для интересу взять должны,
Толкует богомол.

— А что ты думаешь, родной!
Повеселел ездок. —
Ну, посмеются надо мной,
А смех — он людям впрок.

Зато мне все теперь видней
На тыщи верст кругом.
Одно вот — уйму трудодней П
роездил я с конем...

— Прощай пока! — поднялся дед.
Спешу и я, сынок...
И долго, долго смотрит вслед
Никита Моргунок.

1934—1936